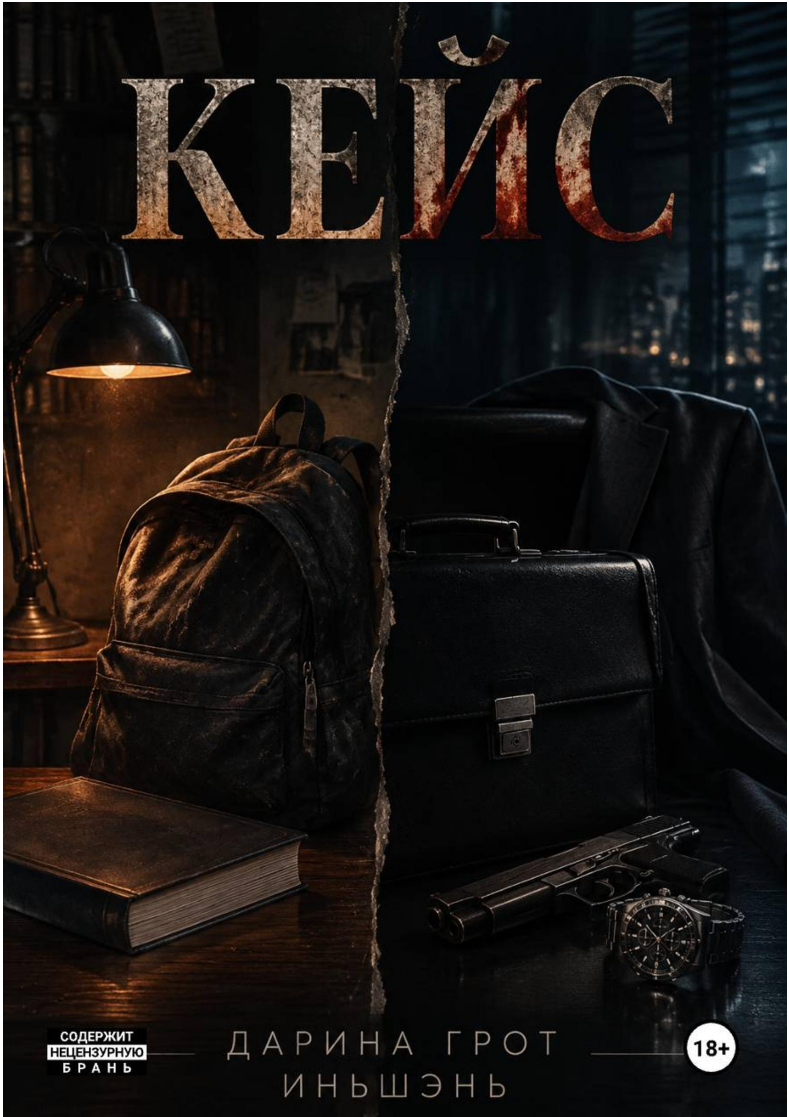

КЕЙС
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
ДАРИНА ГРОТ
ИНЬШЭНЬ
18+

Дарина Грот
Иньшэнь воды
Кейс

https://litres.ru/75047853
SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциалка Андреа Рид ехала в Лир за мечтой, но столкнулась с суровой изнанкой мегаполиса: учёба требовала денег, которых у неё не было. Ошибка, совершённая в порыве отчаяния, приводит её не в полицию, а в мрачный особняк человека, чьё имя заставляет город дрожать.

На что готов пойти тот, кому нечего терять?

Произведение содержит сцены жестокости, сексуального характера и нецензурную лексику. Не рекомендуется несовершеннолетним, а также людям с чувствительной или неустойчивой психикой.

Все персонажи, события, организации и совпадения с реальными людьми — чистый вымысел.

Авторы не одобряют и не пропагандируют деструктивное поведение героев; все элементы использованы исключительно в художественных целях для раскрытия сюжета и атмосферы.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 29
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Дарина Грот, Иньшэнь Тихие воды
Кейс

Глава 1

Андреа Рид

На сетку сушилки с клацаньем опустилась последняя мокрая чашка. Очередной стол грязной посуды помыт, а рядом выросла ещё одна гора: изляпанная, нагромождённая и вызывающая желание отойти подальше, а не засовывать в неё руки, чтобы отправить в посудомойку весь этот малоприятный смрад. Обычные тарелки уходили в машину. Бокалы и капризный фарфор доставались мне. У каждого здесь были свои привилегии. Даже у посуды.

Сил практически не осталось — пошёл двенадцатый час работы. Я опустилась на низкую табуретку у мойки и прислонилась затылком к холодному металлическому шкафу. Прохлада оказалась приятной, но совершенно бесполезной. Ноги гудели, поясницу ломило, а подушечки пальцев так размокли, что на них было больно смотреть. В голове продолжал звенеть кухонный грохот, хотя в эту минуту рядом никто ничем не гремел.

Глаза устало смотрели на стеллаж с ровными рядами чистой посуды. Тонкий фарфор поблёскивал под лампами, по ножкам бокалов струились блики. Неподалеку громоздились грязные тарелки с засохшими разводами соуса, бокалы с жирными отпечатками губ, чашки, на дне которых плескалось что-то бурое. Наверху горы с различными сотейниками и прочими кастрюлями, красовалась сковорода с пригоревшим сыром. Безумно хотелось поздравить её с победой и уйти.

Я горько усмехнулась: очень похоже на моё представление о Лире. Издалека — красота, блеск, сплошные возможности. Подойдёшь поближе — остатки чужого ужина и гора работы, которую почему-то предстояло разгребать тебе.

Мне девятнадцать лет, меня зовут Андреа, и я живу в этой огромной мегаполисной клоаке целый месяц. Я приехала в Лир из провинции, погнавшись за перспективами, ростом, мечтами. Мне так осточертело прозябание в нашем маленьком селе, что я в порыве честолюбия решила изменить свою жизнь и жизнь моей семьи. Твёрдо решила получить высшее образование, устроиться на приличную работу, получать хорошую зарплату и начать жить хорошо. Ведь так можно вытащить всю семью из этой беспросветной задницы, правда? То, что зарабатывают мои родители, с утра до ночи горбатясь в местном сельпо, — это даже не прожиточный минимум, это какая-то насмешка.

План был прекрасный: поступить в хороший университет

на дипломата-международника, получить образование, найти приличную работу и наконец начать зарабатывать столько, чтобы не выбирать в магазине между маслом и стиральным порошком.

В нашем селе выбирать приходилось постоянно. Заработанных родителями денег хватало впритык. Мама умела по звуку определить, сколько муки осталось в пакете. Отец третий год чинил одни и те же зимние ботинки. Если ломался холодильник, дома несколько дней разговаривали вполголоса, будто кто-то умер.

Я не хотела так жить.

И им не хотела такой жизни.

Правда, мой порыв встретили без особенного восторга.

— В столице тебя, конечно, только и ждут, — сказал отец, когда я объявила о поступлении. — С красной дорожкой.

— Я не за дорожкой еду.

— А за чем? Денег у нас нет, ты знаешь.

— Я буду работать.

Мама поставила чашку на стол слишком резко. Чай выплеснулся на клеёнку.

— А здесь нам кто помогать будет?

Я тогда ещё пыталась объяснять. Говорила про перспективы, про диплом, про то, что через несколько лет всё станет иначе. Они слушали с таким видом, будто я предлагала продать дом и вложить деньги в разведение драконов.

Потом начались обиды. Мама демонстративно не просила

ни о чём, зато вздыхала так, что слышно было из соседней комнаты. Отец спрашивал, не передумала ли я, с той же интонацией, с какой интересовался, прошла ли у меня температура.

Я не передумала.

В середине лета сдала вступительные экзамены в лучший университет страны и поступила. На радостях минут десять просидела перед экраном, боясь обновить страницу: вдруг фамилия исчезнет.

Не исчезла.

Дело оставалось за малым — заработать денег на оплату первого семестра. Денег огромных — вся моя семья за всю свою жизнь такой суммы не заработала. За отличные результаты мне предоставили скидку: вместо миллиона в год я должна была платить семьсот тысяч. Если продолжала учиться на отлично, сумма не менялась до самого выпуска. Университет, видимо, считал, что сделал мне предложение, от которого невозможно отказаться.

Триста пятьдесят тысяч за полгода.

Я смотрела на счёт и пыталась представить такие деньги не цифрами на экране, а настоящими купюрами. Получалось плохо. Но мне было море по колено, у меня была цель.

Место в общежитии мне выделили, документы приняли, и отступать я не собиралась. Собрала вещи, выдержала мамино прощальное «ещё вернёшься» и уехала — покорять манящий Лир. Но пока что уверенно покорила только раковину.

Блестящая иллюзия обнажила своё гнусное нутро сразу же, ничуть не стесняясь и не дав мне и дня, чтобы походить в розовых очках, любуясь на глянец. За всё нужно платить — вот главное правило Лира. Даже крохотная комнатушка в общежитии, которую я делила с ещё одной студенткой, стоила денег. Копейки, конечно, но и их нужно было заработать.

Мою соседку звали Фредерика. Рикка, как она сразу велела себя называть. Её родители могли оплатить и университет, и проживание, и всё, что дочери вдруг оказывалось жизненно необходимо. Например, третью пару босоножек, потому что первые две «не сочетались с настроением».

Рикка была эффектной, общительной и, в сущности, неплохой девушкой. Она могла за пять минут познакомиться с человеком и через десять уже знать, где он отдыхал прошлым летом и почему расстался с бывшей.

Ещё она разбиралась во всём. Вообще во всём.

И почти непрерывно подпиливала ногти. Этот размеренный шорох я научилась узнавать ещё с порога.

Однажды Рикка застала меня за подсчётами. На кровати лежали квитанция за общежитие, университетский счёт и блокнот, в котором я уже третий раз пыталась заставить деньги размножиться.

— Тебе нужна работа, — сообщила она.

Я подняла голову.

— Правда? А я думала, если достаточно долго смотреть на счёт, его оплатит совесть ректора.

Рикка невозмутимо подула на ноготь.

— Сарказмом комнату не оплатишь.

Тут возразить было нечего.

И начались мои поиски и бесконечная череда собеседований, и обивания порогов разных заведений.

Сначала я решила, что вполне справлюсь с обязанностями секретаря или администратора. Я умела разговаривать, писать без ошибок и не считала компьютер разновидностью колдовства. Мне казалось, этого для начала достаточно.

Столица считала иначе.

— У вас есть опыт?

— Нет, но я быстро учусь.

— Образование?

— Я поступила в университет.

— То есть пока нет.

В другом месте меня долго рассматривали поверх анкеты.

— Вы всегда так одеваетесь?

Я посмотрела на свои чистые джинсы и блузку.

— А что с одеждой не так?

— Нам нужен более представительский вид.

Под «представительским», судя по девушке за стойкой, подразумевались каблуки, на которых я сломала бы шею ещё по дороге на работу, и юбка, в которой было страшно чихнуть.

Я везде была отправлена в недалёкое путешествие на три известные буквы.

Потом я попыталась устроиться хостес или официанткой в более или менее приличный ресторан — чтобы платили побольше или чай был получше, но везде получала отказ: недостаточно модельная внешность, мордашка, конечно, симпатичная, но нет. Я смотрела на хостес в дорогих ресторанах и прекрасно понимала, что проигрывала ещё на входе. Они выглядели так, будто родились под светом софитов. Я — будто час назад вышла из автобуса и всё ещё пыталась понять, куда попала.

В конце концов я добралась до «Авеню», который располагался на 34 этаже высотки.

Администратор, Дик, оказался симпатичным мужчиной лет двадцати шести. Он выслушал меня, пролистал анкету и сказал, что места официантки и хостес уже заняты. Разумеется, именно сегодня.

Я взялась за рюкзак.

— Подождите, — остановил он. — На кухне есть вакансия.

— Повара из меня не получится.

— А посуду мыть умеете?

Я посмотрела на него и кивнула.

— В этом у меня богатый опыт.

Думаю, что он то ли пожалел меня, то ли я ему чем-то понравилась, но на работу он меня в итоге взял. Так я и оказалась возле посудомойки в пафосном ресторанчике «Авеню», что в самом центре города. Здесь не надо было выглядеть

как с обложки журнала, не надо было улыбаться и общаться с клиентами. Посуде было плевать, есть ли у меня образование. Работа была посменной, платили сильно выше, чем где-то на окраине города, на этом плюсы заканчивались.

Денег мне хватало на оплату комнаты в общежитии и еду, даже получалось откладывать кое-какие крохи. Очень небольшие. Когда я сравнивала их с университетским счётом, начинал дёргаться глаз.

Родители помогать при всём их желании, если вообще таковое было, отказались. Нет у них денег, сами еле концы с концами сводят, не тянешь — подожми хвост, собери манатки и приезжай обратно, коровам хвосты намывать.

Но руки опускать я не собиралась в силу упёртого характера и желания доказать, что не облажаюсь. И мечта «жить по-другому» распаляла желание копать землю руками, лишь бы найти и получить это самое «по-другому».

Мои мысли прервало появление Дика.

— Андреа.

Я открыла глаза.

— Ты спишь?

— Репетирую.

— Продолжишь так сидеть, и твоя смена закончится только к завтраку. Тебе ещё «подарочков» принесли, — посмеялся Дик, махнув рукой в сторону горы посуды, которая, казалось, увеличилась вдвое.

— Обожаю подарки без возможности возврата.

— Вот и я тебя ценю.

Он усмехнулся и ушёл в глубину кухни. Через секунду оттуда донеслось:

— Почему у тебя фартук выглядит так, будто ты в нём ещё живую свинью разделывал? Переоденься. Сейчас.

Я со стоном поднялась.Чистая посуда за время моего отдыха грязную, к сожалению, не победила.

Моя смена закончилась около 10 вечера. В «Авеню» весь вечер была полная посадка. За одним столиком ещё не успевали убрать крошки, а у входа уже ждали следующие посетители. Люди ели так, словно дома их держали на воде и обещаниях.

Такие смены, конечно, выжимают все силы, но есть в них огромный плюс: большая загрузка — большая оплата. Дик выдал мне пухлый конверт, заглянул в лицо и нахмурился.

— Доедешь?

— На ногах — вряд ли. На метро попробую.

— Завтра к десяти.

— Помню.

— Поешь хоть что-нибудь.

Я помахала ему конвертом.

— Теперь могу себе позволить.

Несколько мелких купюр я убрала в карман, остальные спрятала в рюкзак. Спустившись на лифте с 34 этажа, я натянула капюшон худи и вышла через служебную дверь. Ночная прохлада коснулась разгорячённого лица. Я постояла на

ступеньке, втягивая воздух, в котором наконец не было ни жареного масла, ни моющего средства.

Вокруг кипела жизнь: яркие витрины, дорогущие иномарки, полуодетые, хохочущие на всю улицу девушки в сопровождении «папиков» — Лир во всём его искусственном великолепии.

Метро полупустое. Слава всем богам. Я села, вытянула ноги настолько, насколько позволяли приличия, и закрыла глаза. Ноги гудели, будто я трёхдневный марафон бежала без остановки. Предплечья ныли. Под лопаткой тянуло при каждом вдохе. Хотелось лечь и некоторое время не существовать для окружающих. Хотя в общежитии меня, скорее всего, ждала Рикка.

Рикка с пилкой.

Рикка с подробным рассказом о том, куда она ходила, что ела, кого встретила и почему всё это оказалось совершенно потрясающим.

На своей станции я вышла с начинавшейся головной болью. Вечер приятный, по-летнему свежий, благоухающий и шелестящий листвой деревьев. На небе огромным блином висела полная луна, меланхолично взиравшая на суету большого города.

Наше общежитие находилось в получасе ходьбы от университета и примерно минутах в 15 от метро. От работы тоже недалеко — идеальная по меркам Лира локация. Дорога к общаге проходила через сквер: тихий, с деревянными ла-

вочками.

Мне нужно было ещё немного времени, ещё немного тишины и летней ночной прохлады, прежде чем я зашла бы в комнату и меня накрыло словесным ураганом «Рикка», а в голове поселился размеренный звук пилки для ногтей.

В сквере пахло нагретой за день листвой и сырой землёй. Над дорожками нависали деревья, фонари выхватывали из темноты скамейки и клумбы. Я бухнулась на лавочку, с наслаждением вытянула уставшие ноги и запрокинула голову, наблюдая, как летняя мошкара кружит возле фонаря. Счастливые мошки — у них нет расписания и счетов, они кружили и тусили дни и ночи напролёт, как и Рикка. Её дни проходили явно интереснее, чем мои, она уже перезнакомилась почти со всеми будущими однокурсниками, а я — со всеми видами бокалов для вина в «Авеню».

Мои мысли о необычайной лёгкости бытия Рикки и мошкары прервало низкое урчание мотора. На другой стороне улицы, напротив сквера, тянулись старые пятиэтажки с высокими окнами и тяжёлыми подъездными дверями. К одной из них подъехал чёрный, наглухо тонированный внедорожник. Дверцы распахнулись. На тротуар вышли двое мужчин. Кожаные куртки, уверенные движения, громкие голоса. Один держал чёрный кейс. Даже с моей лавочки было понятно: не дуэт скрипачей.

— Я тебе ещё в машине сказал, — донеслось до меня. — Сначала поднимемся.

— А это куда?

— В салон убери. Не таскай с собой.

— Ты серьёзно?

— Убери, сказал.

Дальше пошёл мат, из которого удалось вычленить что-то о деньгах и договорённостях.

Где-то на уровне подсознания я пыталась вжаться в лавку и сократить любые движения до минимума: последнее, что мне было нужно, — чтобы эти «милейшие» ребята обратили внимание на мою персону. Очень хотелось стать частью деревянной спинки. В скверике в свете фонарей, я сидела одна и понятия не имела, что в башке у этих мужиков.

Мужчина с кейсом сердито махнул рукой, открыл заднюю дверь машины и бросил его на сиденье. Второй уже направился к подъезду. Он догнал его, что-то буркнул, и они скрылись за тяжёлой дверью.

Наступила почти звенящая тишина.

Я посмотрела на машину.

Потом на подъезд.

Потом снова на машину.

Кейс.

Мысль появилась так внезапно, что я даже выпрямилась.

В кейсе могло быть что-то ценное. Деньги. Украшения. Что угодно, что позволило бы оплатить учёбу, помочь родителям и наконец перестать считать каждую копейку. Я слышала, как захлопнулась дверь. Но ни писка сигнализации, ни

щелчка замков не было.

«Ты спятила».

Я отвела глаза и посмотрела на мошек. Оглянувшись по сторонам, поняла, что вокруг ни души. Можно рискнуть.

«Да ты совсем спятила, Андреа! Тебя на конфетти пустят, когда поймают. И не если, а когда!»

Я пыталась думать о работе, универе, бухтении Рикки, смотреть на беснующуюся мошкару, но взгляд и мысли будто магнитом притягивала чёрная иномарка.

Листья над головой едва шевелились. В одном из окон зажёгся свет. Я должна была встать и пойти в общежитие.

Должна была.

Но перед глазами почему-то стоял университетский счёт.

Потом отцовские ботинки.

Потом гора грязных тарелок.

«Там вообще могут быть документы». Но рука уже сжимала лямку рюкзака. Я поднялась.

Я до сих пор не понимала, в какую именно секунду решила это сделать. Помнила только, как я пересекла пустую дорожку, вышла к дороге и на мгновение задержалась у бордюра.

Никого. Я перешла улицу. С каждым шагом стук сердца становился громче. Казалось, его уже слышали в подъезде. У машины я замерла, глядя на собственное расплывчатое отражение в тонированном стекле.

«Уходи».

Пальцы легли на ручку.

«Андреа, уходи».

Я потянула. Дверь открылась. Кейс лежал на заднем сиденье — чёрный, с двумя металлическими застёжками. Я схватила его, закрыла дверь и пошла прочь.

Не побежала. Первые несколько шагов даже пыталась идти спокойно. Потом за спиной что-то хлопнуло.

Я рванула. До общежития я добралась за несколько минут.

Кто бы рассказал мне раньше, что я способна так бегать, — рассмеялась бы в лицо. Ноги, ещё недавно умиравшие после смены, несли меня с такой скоростью, будто принадлежали мировому чемпиону по бегу.

У входа я наконец остановилась. Оглянулась. Улица была пустой. От этого легче не стало. Я раскрыла рюкзак, с трудом втиснула туда кейс и застегнула молнию. Один угол упирался в ткань. Пальцы дрожали и не слушались.

— Девушка! Пропуск! — окликнула меня консьержка.

Я ткнула карточку в считыватель и почти бегом проскочила к лестнице.

— По коридорам не носиться!

Я бы с удовольствием перестала. Только тело пока не получило распоряжения.

Рикка сидела на кровати.

С пилкой.

Конечно.

— О, привет! — она подняла голову и тут же нахмурилась.

— Что с тобой?

— А что со мной?

Голоса почти не было. Я захлопнула дверь и попыталась убрать волосы с лица. Видок у меня был явно ещё тот.

— Ты красная. За тобой гнался кто-то что ли?

— Устала.

— Ты ведь бежала, правда?

— Немного.

Я скинула кроссовки, прошла к кровати и осторожно поставила рюкзак. Слишком осторожно. Рикка проводила его взглядом.

— Зачем?

— В туалет хотела.

Лучшее объяснение века. Мои отмазки не выдерживали никакой критики, но лучшего я выдать не смогла. Не могла я и сказать, что со мной всё в порядке, у меня просто в рюкзаке лежит некий кейс, который я только что увела у очень неприятных и опасных людей.

Я схватилась за ручку двери нашего тесного санузла и юркнула внутрь. Щёлкнул замок.

И только в этот момент мозг, который буквально не так давно кричал мне: «Давай сопрём этот чёртов кейс!», начал выдавать трезвую оценку произошедшему: «Что ты наделала, дура ты дебильная?! Завтра за тобой приедут и порежут!»

Только тогда я поняла, что натворила. До этого были какие-то отдельные действия: подойти, открыть, схватить, бе-

жать. Теперь они соединились.

Я украла кейс. У двух здоровенных мужиков, обсуждавших какую-то сделку. И принесла его туда, где собиралась жить.

Я упёрлась ладонями в раковину.

В зеркале на меня смотрела перепуганная девица с растрёпанными волосами. Щёки ещё горели после бега, но вокруг губ кожа уже побелела.

— Дура, — прошептала я.

Желудок сжался.

Завтра они меня найдут. Почему завтра? Может, прямо сейчас уже шли через сквер. Видели, куда я свернула. Спрашивали у консьержки, не пробегала ли девчонка в худи.

Я прислушалась. За дверью прошуршала пилка. Из коридора донёсся смех. Где-то хлопнул шкаф. Я вздрогнула так, что задела локтем мыльницу.

В приступе феерического идиотизма я сотворила такую дичь, которую будет очень тяжело разрулить. Что же делать? Взять рюкзак, выбежать на улицу и подбросить кейс обратно в машину? Но это ещё больший идиотизм — они наверняка вернулись, стоят возле машины и ждут, когда идиотка с кейсом решит исправить ошибку.

Я представила, как подхожу к ним и говорю: «Извините, случайно взяла».

И как я из общежития вообще выйду? Мне, дурочке, страшно!

Тошнота подступила к горлу.

Нет. Не вариант. Около пяти минут я простояла у раковины, боясь даже открыть воду. Потом всё-таки повернула замок. Наконец, сделав над собой неимоверное усилие, дрожащей рукой я открыла дверь туалета и опасливо выглянула наружу. Я буквально прокралась в комнату, где сидела Рикка, в очередной раз подпиливающая свои и без того идеальные ногти.

Рикка явно смотрела на меня как на дуру — выражение её лица спрашивало, что происходит.

Я не могла и не хотела ей ничего рассказывать и тем более объяснять, в моей голове творился полный сумбур. Нужно было перестать так дышать. Нужно было вести себя нормально. Нужно было сделать так, чтобы Рикка перестала задавать вопросы.

Лучшего способа это сделать, чем спросить её о ней самой, нет.

— Как прошёл твой день? — будто бы невзначай бросила я, присаживаясь на свою кровать, недалеко от рюкзака.

— Да отлично прошёл, как обычно. Мы сегодня ходили в центр, гуляли, там музыканты пели, такие классные! Сначала видео снимали, потом просто стояли с ними. Потом познакомились, вечером пошли вместе гулять и…

Рикка ушла в фон. Жужжащие мысли продолжили атаку на моё бедное сознание, а глаза то и дело косились на рюкзак.

Я кивала.

В рюкзаке лежал кейс.

Чёрный.

Чужой.

Возможно, там находились документы. Папки. Какой-нибудь дорогой прибор.

Или наркотики. Или оружие. Или…

Я оборвала себя, но воображение уже услужливо подбрасывало варианты один хуже другого.

— …а он говорит: «Тогда приходи вечером», — продолжала Рикка. — И смотрит прямо на меня. Не на нас всех, понимаешь? На меня.

— Здорово.

— Ты вообще слушаешь?

— Конечно.

— И что я сказала?

Я посмотрела на неё. Она посмотрела на меня.

Мне надо… Я должна открыть этот кейс! Надо посмотреть, что там вообще. Что я украла? Может, там бомба какая — и сейчас всё общежитие к чёртовой матери взлетит? Или ещё что? Может, чьи-то отрубленные руки, и тогда мне кабзда, тогда меня примут, закроют, и все мои мечты рухнут в одночасье! А что там ещё может быть? А вдруг там пара килограммов наркотиков? Что ещё хуже, чем если там чьи-то руки!

— Про музыканта, — рискнула я.

— Великолепно. Ты сегодня прямо сама внимательность.

Я потёрла лицо ладонями.

— Прости. Тяжёлая смена.

Рикка отложила пилку. Это уже было серьёзно.

— Тебя на работе обидели?

От этого вопроса почему-то стало ещё хуже. В который раз мне захотелось сказать, чтобы она отвалила нахрен, что вообще не до неё сейчас.

— Нет. Всё нормально. Правда. У тебя завтра какие планы?

Она выдержала паузу, но всё-таки ответила:

— Гулять. Пользоваться последними свободными днями. И, кажется, у меня начинаются отношения.

— С музыкантом?

— Вот! Значит, всё-таки слушала.

— Кое-что уловила.

Я стянула рабочую футболку, надела домашнюю и потянулась к рюкзаку.

— Пойду ополоснусь. Потом расскажешь.

Рикка посмотрела на рюкзак. Потом на меня. Я скрылась в ванной, прежде чем она успела спросить что-нибудь ещё.

Достав кейс из рюкзака я поставила его на пол. Он оказался тяжелее, чем я помнила. Или это у меня руки окончательно ослабли. Две металлические застёжки. В каждой — крошечная замочная скважина.

Ну конечно. Я чуть не рассмеялась. Прекрасно, Андреа. Просто прекрасно. Украсть — украла, а как открыть, не по-

думала.

Я тронула одну застёжку. Она щёлкнула. Я замерла. Потом нажала на вторую. Тоже открылась.

Несколько секунд я просто смотрела на крышку, не решаясь её поднять. Пока кейс был закрыт, я ещё могла убедить себя, что всё не так страшно. Я подняла её. И села прямо на кафель.

Деньги.

Кейс был полон денег.

Пачки лежали плотно, ровными рядами. Банковские ленты стягивали купюры самого крупного номинала. Я смотрела на них, и мозг упрямо отказывался складывать увиденное в сумму.

— Ёб твою мать, — выдохнула я.

Я осторожно коснулась верхней пачки. Настоящая. Наверное, настоящая. Я провела пальцем по краю купюр, будто это могло что-то прояснить.

— Ёб твою мать.

Других слов не осталось.

На одну короткую секунду я увидела всё: оплаченную учёбу, нормальную одежду, холодильник у родителей, отдых без подсчёта часов до следующей смены.

Потом вспомнила мужчину, который держал кейс. И то, как он разговаривал.

Такие деньги не забывали. Их искали. А вместе с ними искали человека, который их взял.

— Андреа? — раздалось за дверью.

Я вздрогнула и захлопнула крышку.

— Что?

— Ты уже полчаса сидишь. Даже воду не включила.

Полчаса?

— Сейчас.

— Мне в туалет надо.

— Подожди!

Я затолкала кейс обратно в рюкзак. Молния заела в углу. Я дёрнула сильнее, прикусила губу и наконец закрыла. Колени подогнулись. Пришлось сесть на край ванны и переждать, вцепившись в холодную эмаль.

«Они тебя не видели».

Капюшон был надет. На улице никого. Я не заметила камеры… Были ли там камеры?

Господи.

Я подняла голову к двери.

— Андреа, я обоссусь сейчас! Давай открывай! — снова разоралась Рикка за дверью.

И мне не осталось ничего другого, как щёлкнуть замком и впустить её в туалет. Она уселась на унитаз, не сводя с меня глаз.

— Я вижу, что что-то происходит… — начала она, глядя на меня.

— Да, происходит, — вздыхаю я.

Я понимала, что ещё секунда — и я выложу ей всё, пото-

му что, если я буду дальше молчать, то просто сойду с ума от панической атаки и ужаса, которые мною овладели от содеянного. Рикка — не лучший вариант, но единственный, который есть. Может быть, часть правды?

— А что случилось?

— Да ничего… Мне кажется, я нарвалась на проблемы с какими-то серьёзными ребятами.

— Каким образом?

— Да нахрен послала одного из них, когда он ко мне пытался подкатывать, — решила соврать я.

Потому что я не могла сейчас сказать, что у меня в рюкзаке лежит несколько миллионов и что я их украла у каких-то бандитов. Мы с Риккой общались всего месяц, я её знать не знаю толком. Конечно, она прямо полюбила меня, говорила, что мы подруги не разлей вода… Но когда речь заходит о деньгах, о дружбе можно забыть! Особенно о таких деньгах, которые лежали у меня в рюкзаке, — нечестно заработанных, украденных. Она могла просто забрать их и сдать меня в полицию. Да она что угодно могла сделать…

Тишина.

Рикка моргнула.

— И всё?

— Довольно грубо.

— Он тебе угрожал?

— Нет.

— За тобой шли?

— Нет. Кажется.

— Почему «кажется»?

— Я не проверяла!

Последнее прозвучало слишком резко. Рикка нахмурилась, а мне тут же стало стыдно. Она ничего не сделала. Сидела здесь посреди ночи и пыталась понять, как меня успокоить. А я врала ей в лицо.

— Прости, — сказала я тише. — Просто перепугалась.

— Я заметила.

Она вымыла руки, вытерла их полотенцем и кивнула на дверь.

— Пойдём. У меня есть чай.

До трёх ночи мы просидели на кроватях с кружками в руках. Рикка сначала возмущалась моей безалаберностью. Потом пыталась выяснить, что именно я сказала незнакомцу. Потом убеждала, что далеко не каждый мужчина после отказа бросался искать девушку по всему городу.

Я кивала. Смотрела на дверь. Вздрагивала от шагов в коридоре. Каждый раз, когда где-то останавливался лифт, в животе всё обрывалось.

— Если бы он хотел устроить скандал, устроил бы сразу, — сказала Рикка. — Ты домой дошла. Никто не пришёл. Прошло уже сколько времени.

Я посмотрела на телефон. Три часа. И правда, никто не пришёл. За дверью не ругались мужчины. Внизу не ревел мотор. Консьержка не звонила и не просила спуститься. Обще-

житие жило своей обычной ночной жизнью. Кто-то смеялся на кухне, кто-то принимал душ, у соседей негромко играла музыка.

Может, меня действительно не видели. Может, я успела.

Мысль была настолько приятной, что я ухватилась за неё обеими руками.

— Он хоть симпатичный был? — вдруг спросила Рикка.

Я подняла на неё глаза. Вот он, безопасный поворот.

— Очень.

— И ты его послала?

— Сама не знаю зачем. Растерялась.

Рикка уставилась на меня так, будто я только что призналась, что не умею пользоваться вилкой.

— Тебе надо больше отдыхать.

— Спорить не буду.

Дальше она заговорила о музыканте. О его голосе, руках и потрясающей улыбке. Я слушала гораздо внимательнее, чем раньше. Её болтовня заполняла комнату, не оставляя слишком много места для мыслей.

Пилка лежала на столе без дела.

Я впервые за всё время была этому искренне благодарна. Когда мы наконец погасили свет, я поставила рюкзак у стены между кроватью и тумбочкой. Потом передумала и задвинула под кровать. Потом подтянула ближе к изголовью.

— Спокойной ночи, — пробормотала Рикка.

— Спокойной.

Я лежала с открытыми глазами и слушала. За окном проехала машина. Остановилась.

Я задержала дыхание.

Хлопнула дверца. Раздались шаги. Потом мужской голос, короткий смех — и снова тишина. Обычная машина. Обычные люди. Я повторяла это, пока слова не потеряли смысл.

В рюкзаке лежал кейс, в котором, возможно, было всё моё будущее. И я боялась даже свесить к нему руку.

Когда сон наконец пришёл, в нём снова был чёрный внедорожник. Я тянула дверную ручку, а она не поддавалась. За спиной открывался подъезд.

Всю ночь я пыталась убежать и никак не могла сдвинуться с места.

Глава 2

Богдан Тёрн

— Богдан, ты понял меня? — я услышал знакомые нотки раздражения в голосе отца — Форса Тёрна, главы огромной корпорации по нефтедобыче.

Я слушал резкую речь отца и неотрывно смотрел в окно своего офиса на тридцать первом этаже — в бизнес-центре, который по неудивительному стечению обстоятельств принадлежал ему же.

Как же мне надоел его голос и приказной тон! Иногда я жалел, что Форс Тёрн — мой отец и что я не имею ни малейшего морального права просто взять и распотрошить его... Хотя бы ради того, чтобы он перестал выносить мне мозги своим праведным, по его мнению, идиотизмом.

— Понял, понял, — бросив сквозь зубы стандартный ответ, я скинул вызов.

К счастью или, может, к сожалению, в современном мегаполисе без идиотизма никак не обойтись. Вот только определения у нас с отцом сильно различаются: он считает идиотизмом то, как я решаю проблемы, а я — как он живет и следует правилам.

Есть проблемы, которые можно и порой даже нужно решать законными путями. А есть проблемы, которые закон не решает. Такие, которые идеально и уверенно обходят любые

изъяны и трещащие по швам, пластмассовые конструкции запретов.

Мне двадцать семь. С восемнадцати я веду дела практически наравне с отцом. Я единственный наследник всей этой нефтяной империи. Меня с детства обучали, поучали, вдалбливали в голову, что это и есть моя жизнь: деньги, власть, независимость. С малых лет я привык, что зависеть должны от меня. Кого-то я вправе сам посадить себе на шею и получать от этого удовольствие, а кто-то просто обязан пресмыкаться, не поднимая головы. Врагов-то у нас предостаточно.

Отец ведёт легальный бизнес, и при этом находится в доверительных отношениях с самыми влиятельными политиками — посредством которых смог вывести корпорацию не просто на мировой рынок, но и крепко подсадить на свою кормушку само государство. Монополию чиновники у него так и не отжали, хотя безусловно пытались. Связи у отца налажены везде, и связи правильные.

Сам же я по бумагам занимаю должность заместителя. Хотя, сколько себя помню, ни разу официально не выступал в этом качестве — потому что батя всегда на работе. Всегда! У него нет отпусков, он не болеет и панически боится выпустить свою власть из рук хоть на секунду.

Это тот самый удел богатых, о котором бедные даже не задумываются в моменты, когда отчаянно жаждут денег. Мы очень плохо спим. Такие, как мой отец, — вообще не спят, потому что стоит только закрыть глаза, как сновидения мо-

гут привести к полной и безвозвратной утрате положения. А те, кому есть что терять, очень этого боятся.

А еще у меня есть свои дела. Вне бизнеса отца, великого господина Тёрна. Я стою во главе мощнейшей ОПГ города Лир, чьё влияние распространяется практически на все континенты. Я не ошибусь, если скажу, что создал бандитскую империю, превосходящую нефтяную империю отца в разы. Жаль только, батя не сможет узнать об этом. Дела за стенами стеклянного офиса отца я веду разные: под моей «крышей» главари городских округов проводят закупки, поставки и перепродажу оружия, куплю и сбыт наркотиков, угоны машин, разборки внутри группы — да, такое тоже бывает, — заказные убийства неугодных людей и конкурентов, коррупция и многое другое, что процветает изо дня в день.

Сегодня же батя звонил и мерной ложечкой кромсал мой мозг, требуя провести переговоры, которые должны закончиться подписанием контракта на слияние нашей «дочки» с логистической фирмой, находящейся на грани банкротства, но с хорошим парком нефтяных танкеров. Кстати, отец даже не знает, что компания оказалась в такой яме благодаря моим людям. Батя готов выкупить все их долги, закрыть обязательства и поднять структуру на ноги, но уже под нашим брендом.

Только вот я с его планом категорически не согласен. Зачем реанимировать чужих банкротов, если я могу предложить ему своих людей? У них есть и теневой флот танкеров,

и отлаженные маршруты, и огромный опыт в нефтяных делах — они перевезут всё в разы быстрее и дешевле. Да, у моих ребят не всё вровень с законом, но зато у них отменная крыша в моём лице. В конце концов, и законы, и нужные подписи прекрасно покупаются.

Перед тем как прийти сегодня в офис, я успел побывать на весьма продуктивных переговорах. Я передал своим людям тридцать миллионов за импорт — только не нефтепродуктов, а оружия, которое заказала группировка, входящая в элиту криминалитета южного района города.

Завтра мои ребята должны встретиться с поставщиками в закрытом аэропорту, где и пройдет сделка. Под надежным присмотром органов безопасности, безусловно: половина сотрудников в погонах у нас на содержании и просто закроет глаза, а вторая половина... впрочем, нужные бумаги и разрешения будут оформлены специально для них. Саму сделку со стороны продавцов тоже крышуют серьезные люди. Я здесь выступаю главным инвестором: оплачиваю товар, который мои ребята доставят мне, а я уже потом передам его заказчикам. Разумеется, на своих условиях, которые поднимут мою долю процентов на семьдесят.

Вдобавок сейчас я веду ещё одни переговоры — по застройке нового бизнес-центра в весьма престижном районе Лира. Проблема лишь в том, что один-единственный собственник земли упирается и наотрез отказывается продавать или вообще как-либо передавать мне участок под застройку.

Думаю, придется решать с ним вопрос… другими методами. Не такими, какими предпочитает действовать мой отец.

И я снова и снова возвращаюсь мыслями к фигуре своего отца. Не могу сказать, что не люблю его или не уважаю, — наоборот, смело могу заявить, что благодарен за то, кем я стал и что имею. В свои двадцать семь я имею столько, сколько не имеет всё население Лира вместе взятое.

Моя мать, Мирт Тёрн, живет как второстепенный персонаж не самой лучшей книги. Её как будто нет, но в то же время в родительском доме повсюду её духи, на стенах висят кадры с модных фотосессий, и то и дело запускаются какие-то мелкие стартапы, которые отец беспрекословно оплачивает. Иногда они приносят смешные дивиденды, чаще — уходят в полный убыток. Но бате плевать: он любит свою жену и балует её как может.

Мама никогда не влезает в наши с отцом разборки, не пользуется правом голоса и ничего не решает, но чувствует себя максимально комфортно за спиной мужа. Она обожает салоны красоты, фитнес-клубы, бесконечное саморазвитие и фотографироваться. А еще — публичность. На людях она сверкает и обладает удивительной харизмой: кажется, именно благодаря ей простой народ любит и поддерживает нашу семью.

Впрочем, за помощью в решении своих проблем я бы к ней точно не пошел.

Мой офис располагается на 31-м этаже, а кабинет госпо-

дина Тёрна — на 32-м. Хотя бы на один этаж, но выше. Наверняка, чтобы я не забывал, что пока не дорос до того, чтобы находиться с ним на одном уровне. Уж молчу про то, чтобы занять 33-й. Не могу не улыбнуться, понимая, как батя дорожит своим статусным превосходством.

Обычно отец предпочитает звонить мне строго через стационарный корпоративный телефон — проверить, на месте ли я. Сам он крайне редко спускается ко мне в кабинет. Если отец всё-таки является ко мне лично — это означает одно: будут не просто жесткие переговоры, а самый настоящий бытовой скандал. И порой кажется, что еще два-три слова — и начнётся полноценная драка.

Конечно, до рукоприкладства с моей стороны никогда не доходило. Я прекрасно знаю, кто я такой. Я мерзкий, отвратительный подонок, я могу ударить кого угодно, могу убить и бровью не повести. Но не могу позволить себе поднять руку на отца, не могу. Чего нельзя сказать о нём. За его старые подзатыльники (которых до моих восемнадцати было предостаточно) и за редкие, но всё же случающиеся, пощечины в более взрослом возрасте я с удовольствием спросил бы с него так, как умею. Но… он мой отец. Возможно, так воспитывали будущих лидеров, хотя я с этим методом категорически не согласен.

Время было около десяти вечера, когда я закончил с отцовскими поручениями: сгреб бумаги, не глядя сунул их в расставленные моим ассистентом лотки, и наконец поднял-

ся. Выйдя из кабинета, сразу наткнулся взглядом на премилую секретаршу Мелиссу, сидевшую за большим столом. Работа у неё была непростая: она сидела на работе до тех пор, пока я не покину офис, и неважно, три часа дня или двенадцать ночи.

Она расслабленно устроилась в дорогом кожаном кресле, соблазнительно закинув ногу на ногу в короткой юбчонке. В свете офисных ламп тускло блестели её черные туфли на высокой шпильке.

Я окинул девушку взглядом, и в памяти тут же всплыла картина, как сутки назад я трахал её прямо здесь, в кабинете. К слову, в этой же самой юбке. Она легко задирается. Чертовски удобный фасон.

Мелисса тут же выпрямилась, приняв идеальную осанку. Её накачанные неизвестно каким дерьмом губы, густо измазанные стойкой красной помадой, растянулись в улыбке.

— Босс! — взвилась она с места, будто атакующая гадюка. — Вы уже закончили? Что-нибудь надо?..

— Нет, — я резко обрубил её порывы, не глядя в её сторону, — ничего не надо. До завтра.

А перед глазами снова и снова всплывает картина, как я засовываю член ей в рот, в самую глотку. Из её рта текут слюни вместе с моей спермой… И картина эта сегодня почему-то вызывает только отвращение.

— До завтра, босс, — блевотно-приторным голоском щебечет она мне вслед.

На что надеется дамочка? Хотел бы я сказать, что не знаю, да это было бы неправдой. То, на что она рассчитывает, она никогда не получит. Причина элементарно проста: никакими существующими на сегодняшний день узами брака, любви и прочего идиотизма я связывать себя не собираюсь. Узы в целом вызывают у меня крайне брезгливые и нежелательные ассоциации.

Я зашел в лифт и в столь поздний час проехал в нем в гордом и счастливом одиночестве. Иногда во мне просыпается уставший мизантроп, и мне хочется просто уйти подальше от людей.

В подземном паркинге меня ждала машина премиум-класса — черная, отполированная до блеска. Рядом — водитель Маймс, он же управляющий в моем особняке, который всегда наготове, в любое время суток. Одет с иголочки. И смотрит на меня как на сына, в отличие от всех остальных, по большей части, готовых отсосать, как и секретарша, заглотить мой хер и всё, что из него выльется, лишь бы продолжать получать свои девиденды.

Я привык к тому, что многие люди смотрят на меня так. Привык к тому, что те, кто приходят ко мне на работу, так или иначе пытаются занять, по их мнению, сильные позиции, стать незаменимыми, и практически все они готовы ублажать меня на самом деле за не слишком большую премию. Банально. Неинтересно. И торчит уже в печенках. Я вижу их всех насквозь. Я могу всего лишь взглянуть на лицо челове-

ка — и уже понимаю, сколько ему надо дать, чтобы он свалился на колени и согласился предать мать родную.

Маймс работает на меня очень много лет. С моего рождения. Я полностью ему доверяю, и самое приятное, что есть в наших взаимоотношениях, — это то, что я знаю его, а он знает меня. Он отлично знает: ляпни он чего лишнего тому, кому не должен был, суток не пройдет, как его найдут на дне реки, наполовину сожранного раками.

На самом деле, я думаю, что отвратительно жить, когда понимаешь, что в любой момент тебя могут убрать. Просто убить. И вершителю твоей судьбы за это ничего не будет.

— Куда едем, босс?

— В «Авеню». Поужинаю там.

Ресторан находится в центре Лира, на крыше небоскреба. Вид с высоты птичьего полета на эту городскую громадину — отдельный вид восторга, которого я, впрочем, уже лишился. Когда я смотрю отсюда на город, то отчетливо понимаю: я смотрю на свои владения. Это льстит, но и портит одновременно. Не так просто соблюдать грань между тем, чтобы остаться человеком, или свалиться в бесчеловечность. Не стоит скрывать: я довольно часто позволяю себе опуститься на дно. Быть тем, кто упивается своей властью.

За мной здесь всегда забронирован стол. Я могу прибыть в любое время, и если мой столик окажется занят, глупой хостес не поздоровится. И даже не от меня — от ее начальника. Ему я как бы невзначай брошу: мол, если не хотите зав-

тра получить партию тухлых морепродуктов, из-за которых клиенты потравятся, а вы потом будете вести долгие и увлекательные диалоги с санэпидемстанцией, то научите хостес и официантов обхаживать мой стол и сдувать с него пылинки, даже когда меня там нет.

Я зашёл в зал — и ко мне тут же подбежала Аделия. Всё те же лица. Приветливая Аделия расплылась при виде меня, как маргарин на сковороде: похлопала длиннющими ресницами, сложила губки в трубочку и принялась извиваться вокруг, пытаясь угодить прямо с порога.

Я окинул ее взглядом и поймал себя на мысли, что сейчас достаточно одного моего жеста — и Аделия окажется у моих ног, выполняя любые прихоти. Вопрос лишь в том, что мне это не нужно. Я так устал от этих предсказуемых, неинтересных и на всё готовых женщин!

Вот мой отполированный до блеска стол. Я уселся как у себя дома. Ах да, я и есть у себя дома! Рядом, будто из-под земли, вырос официант. Я заказал стейк — почти сырой, я бы сказал, недо rare — салат и бокал красного вина.

— Здорово, Богдан, — не прошло и получаса с момента, как я вошел в ресторан, а напротив меня уже уселся здоровый лысый мужик со шрамом на виске, идущим до челюсти слева.

Я отлично знал этого здоровяка. Это главарь северного округа Лира. Мужик четкий и малословный — таких я люблю. Хотя в своё время у нас были тёрки: Артур никак не

хотел признавать мою власть, но пара очень продуманных и фатальных манипуляций — и тогдашний главарь прогнулся под меня. Сегодня он — просто Артур, и его совершенно не волнует, что мне двадцать семь, а ему сорок пять. Он уже на собственной шкуре убедился, что я отнюдь не дебил и веду дела гораздо серьезнее, чем мелкотемье северных округов.

И я прекрасно знал, зачем он пришел.

— Сколько? — медленно разрезая кровоточащий, практически сырой стейк, бросаю я мужику напротив.

— Пятнадцать хватит, — четко, без раздумий отвечает Артур и тут же вводит меня в курс дела. Он детально и очень структурировано рассказывает, зачем ему деньги, когда он их вернет, под какой процент, а заодно просит моих ребят подъехать на будущей неделе к черным риелторам. На всякий случай. Чисто для контроля.

Я внимательно выслушал расклад и в итоге мысленно уже согласился дать ему пятнадцать миллионов. Оставшееся время мы просто общались о жизни. Он за словами следит, и я знаю: всё сделает так, как договаривались. Деньги дам точно — дела ведем с ним не первый год.

И тут мою мысль о возврате долга с двойным процентом прерывает звонок мобильного.

— Босс… Босс! Это… Как его… Кейс украли!

У меня в голове — абсолютная вакуумная чернота. Я отложил в сторону вилку, поднял глаза на Артура и попытался понять, что же всё-таки творится внутри этой черной без-

дны. Я действительно старался уловить хоть какую-то мысль, чтобы озвучить её… ртом. Но в итоге выдал единственное:

— Что?

— Кейс… украли, — дрожащий голос в трубке выдал ту же самую информацию.

— Я не понял. Что значит «кейс украли»?

В трубке повисла бесячая тишина. Это звонил Сэм, начальник моей охраны. И Сэм был смертельно испуган. На его месте я бы тоже обосрался: в том кейсе лежало тридцать миллионов на завтрашнюю вечернюю сделку.

Я вздохнул. Не горестно и не от отчаяния — просто чтобы унять цунами ярости. Откашлялся, напоминая себе, что всё ещё слушаю новости от Сэма.

— Из машины украли кейс, — Сэм набрался решимости и выпалил одной фразой.

Я слушал его и был уверен, что Сэм прямо сейчас стал очень верующим человеком, который молится всем известным богам, а заодно благодарит их за то, что находится не рядом со мной, и я не могу достать ствол и вынести ему мозги прямо здесь, в «Авеню», на фоне панорамных окон.

— Как я должен это понимать? — вытирая губы белоснежной тканью, я задал ему вопрос.

Артур напротив меня тоже напрягся. Я глазами дал ему понять, что он может расслабиться — напрягаться сейчас буду исключительно я.

— Бля, подъехали на точку, поднялись забрать бумаги, ко-

торые подготовили счетоводы. Выходим, а денег в машине нет!

— Вы охренели?! Сэм, я даю тебе сутки на то, чтобы найти того, кто украл деньги. Через двадцать четыре часа передо мной должен лежать этот чертов кейс и стоять вор! — я сбросил звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.